

Обстоятельства дела

Заявителем по делу выступает страдающий психическим расстройством совершеннолетний, который был официально признан нетрудоспособным. Его мать обратилась в районный суд с целью признания его недееспособным на том основании, что он не был способен к самостоятельной жизни и нуждался в опекуне. Заявитель не был официально извещен о разбирательстве.

В декабре 2004 г. районный суд рассмотрел заявление в заседании, на котором присутствовали районный прокурор и представитель психиатрической больницы, в которую заявитель был помещен ранее в том же году. Заявитель не был извещен о заседании и не присутствовал на нем. После рассмотрения, продолжавшегося 10 минут, районный суд признал заявителя недееспособным на основании статьи 29 Гражданского кодекса, которая предусматривает такую меру, если гражданин не может понимать значения своих действий или руководить ими. При принятии решения районный суд принял во внимание психиатрическое заключение, согласно которому заявитель страдал шизофренией. Мать заявителя была назначена его опекуном, вследствие чего получила полномочие в силу закона действовать от его имени во всех отношениях.

Заявитель затем обратился к адвокату, с которым встретился для обсуждения дела и составления жалобы. Адвокат заключил, что заявитель был полностью способен понимать сложные юридические вопросы и давать соответствующие указания. Жалоба была возвращена без рассмотрения на том основании, что заявитель был недееспособным, и жалоба могла быть подана лишь его официальным опекуном.

В ноябре 2005 г. мать поместила заявителя в психиатрическую больницу. Заявителю и его адвокату не было разрешено встречаться, но заявителю удалось передать адвокату бланк, уполномочивающий на подачу жалобы в Европейский Суд от его имени. С декабря 2005 г. заявителю не были разрешены какие-либо контакты с внешним миром. Он и его адвокат неоднократно обращались в различные органы, включая районного прокурора, с требованиями о выписке заявителя из больницы, но безрезультатно. Районный прокурор разъяснил адвокату, что заявитель был помещен в больницу по инициативе его официального опекуна, и все вопросы, связанные с возможностью выписки, должны решаться ею.

В марте 2006 г. Европейский Суд указал российскому государству-ответчику согласно правилу 39 Регламента Суда, что заявителю и его адвокату должно

быть предоставлено необходимое время и место для встречи и подготовки дела, находящегося на его рассмотрении. Однако власти отказались подчиниться данной мере, поскольку сочли, что она не имеет обязательной силы. Заявитель был выписан из больницы в мае 2006 г., однако представляется, что позднее он был вновь помещен туда по требованию его матери.

Вопросы права

(а) *Что касается признания заявителя недееспособным. По поводу соблюдения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.* Результат разбирательства был важен для заявителя, поскольку влиял на его личную автономию почти во всех сферах жизни и предполагал потенциальные ограничения его свободы. Более того, заявитель играл двойную роль в разбирательстве, поскольку он был не только заинтересованным лицом, но и главным объектом исследования суда. Следовательно, участие заявителя было необходимо как для того, чтобы обеспечить ему возможность представить свои доводы, так и для того, чтобы суд мог сформировать собственное мнение о его психическом состоянии. Таким образом, решение судьи о рассмотрении дела на основе документальных доказательств без вызова и заслушивания заявителя, который, несмотря на свое состояние, был относительно самостоятелен, было необоснованным и нарушало принцип состязательного производства. Присутствие представителя больницы и районного прокурора, которые бездействовали в течение всего 10-минутного слушания, не обеспечило состязательность разбирательства. Кроме того, заявитель не имел возможности обжаловать решение, поскольку его жалоба была возвращена без рассмотрения. Итак, разбирательство в районном суде не было справедливым.

Постановление

По делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения требований статьи 8 Конвенции. Серьезное вмешательство со стороны властей в личную жизнь заявителя привело к тому, что он стал полностью зависим от своего официального опекуна почти во всех сферах жизни на неопределенный период. Это вмешательство могло быть обжаловано лишь через его опекуна, однако она возражала против любых попыток прекратить данную меру. Европейский Суд уже установил, что разбирательство сопровождалось процессуальными нарушениями, поскольку заявитель был полностью отстранен от процесса принятия решений. Обоснование районного суда также было неадекватным, поскольку он сослался только на медицинское заключение, в котором не анализировались достаточным образом степень дееспособности заявителя, влияние заболевания на его социальную жизнь, здоровье и имущественные интересы и его способность понимать свои действия или руководить ими.

Вопреки рекомендациям Комитета министров Европейского союза, согласно которым законодательство должно обеспечивать «особенный подход» к каждому индивидуальному случаю психического заболевания, российское право предусматривает лишь различие между полной дееспособностью и полной недееспособностью и не принимает в расчет пограничные ситуации. Вмешательство в личную жизнь заявителя, таким образом, было несоизмеримо правоммерной цели защиты интересов и здоровья иных лиц.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (принято единогласно).

(b) *Что касается помещения заявителя в психиатрическую больницу. По поводу соблюдения требований подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции.* По вопросу приемлемости государство-ответчик возражало, что госпитализация заявителя была «добровольной» с точки зрения национального права и поэтому не являлась «лишением свободы». Однако с уче-

том обстоятельств дела, в частности, попыток заявителя добиться выписки из больницы, Европейский Суд находит, что хотя заявитель юридически не мог выражать свое мнение, нельзя сказать, что он одобрял свое продолжающееся пребывание в больнице. Таким образом, жалоба является приемлемой.

По существу жалобы государство-ответчик не смогло «достоверно доказать», что заявитель был душевнобольным при помещении в больницу, поскольку не пояснило, почему мать заявителя требовала его госпитализации, и не представило медицинских документов о его состоянии на момент приема в больницу. Соответственно, не было «достоверно доказано», что психическое состояние заявителя обуславливало необходимость лишения его свободы.

Постановление По делу допущено нарушение требований подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения требований пункта 4 статьи 5 Конвенции. Суды не принимали участия в принятии решений о госпитализации заявителя, и национальное право не предусматривало обязательной судебной проверки в связи с помещением в психиатрическую больницу в ситуациях, подобных этой. Кроме того, заявитель не мог самостоятельно обжаловать продолжающееся пребывание в больнице, поскольку юридически был лишен такой возможности, или начать разбирательство через свою мать, поскольку она возражала против его выписки. Наконец, поскольку неясно, затрагивала ли проверка органов преследования «законность» лишения заявителя свободы, она не может рассматриваться в качестве формы судебной проверки.

Учитывая, что госпитализация заявителя не была добровольной, а его психическое состояние оценивалось судом единственный раз 10 месяцев назад – в рамках разбирательства, которое сопровождалось серьезными нарушениями, и в котором необходимость помещения в больницу не исследовалась – неспособность заявителя обеспечить судебную проверку лишения свободы нарушила пункт 4 статьи 5 Конвенции.

Постановление По делу допущено нарушение требований пункта 4 статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения требований статьи 34 Конвенции и правила 39 Регламента Суда. Запрет контактов с адвокатом продолжался в течение всей госпитализации заявителя, а запрет общения с иными лицами – в течение большей части этого периода. Эти ограничения сделали почти невозможным для заявителя добиваться рассмотрения дела в Европейском Суде, хотя власти должны были знать о его жалобе.

Кроме того, власти отказались соблюдать предварительную меру, указанную Европейским Судом согласно правилу 39 Регламента Суда, на том основании, что она была адресована государству в целом, а не конкретному органу, что российское законодательство не устанавливало обязательную силу таких мер, что заявитель не мог действовать без согласия своей матери и что его адвокат не мог рассматриваться в качестве законного представителя. Такое толкование противоречит Конвенции. Не национальные власти, а Европейский Суд определяет, кто являлся представителем заявителя в рамках конвенционного разбирательства. Предварительная мера имела обязательную силу постольку, поскольку ее несоблюдение могло привести к установлению нарушения статьи 34 Конвенции, независимо оттого, что государство как единое целое или какой-либо его орган отказывались исполнить ее.

Таким образом, препятствуя встречам или общению заявителя с адвокатом в течение длительного времени и уклоняясь от соблюдения предваритель-

ной меры, государство-ответчик нарушило свои обязательства по статье 34 Конвенции.

Постановление

По делу допущено несоблюдение обязательств, предусмотренных статьей 34 Конвенции (вынесено единогласно).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Вопрос не готов к рассмотрению.